

**Валентин Иванович Варенников
Геннадий Иванович Янаев
Валентин Сергеевич Павлов
Крючков. КГБ накануне путча (сборник)
Серия «Вожди Советского Союза»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058405*

*Крючков. КГБ накануне путча / Валентин Варенников, Валентин Павлов, Геннадий Янаев.:
Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0299-2*

Аннотация

Владимир Александрович Крючков – один из высших государственных деятелей Советского Союза, в 1988–1991 годах занимавший пост председателя КГБ СССР, В.С. Крючков был известен тем, что, борясь за спасение Советского Союза, входил в Государственный Комитет по чрезвычайному положению и пытался использовать КГБ для борьбы с Б. Ельциным и «Демократической Россией».

Авторы книги, представленной вашему вниманию, хорошо знали В.А. Крючкова. Генерал армии В.И. Варенников в августе 1991 года участвовал в попытке отстранения от власти президента СССР Михаила Горбачева; В.С. Павлов был премьер-министром СССР в 1991 году, активным участником ГКЧП; Г.И. Янаев, вице-президент СССР, во время августовского путча являлся председателем ГКЧП.

В их воспоминаниях приводятся уникальные подробности о деятельности КГБ накануне и в ходе путча, о действиях самого В.А. Крючкова, а также выводы о том, почему Комитет госбезопасности оказался не способен помочь ГКЧП.

Содержание

Г.И. Янаев. Почему ГКЧП не победил	4
«Операция ГКЧП»	4
Август 91-го	15
Провал	24
В.С. Павлов. Правда о «Путче»	26
Накануне	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валентин Варенников, Валентин Павлов, Геннадий Янаев

Крючков. КГБ накануне путча

**Г.И. Янаев. Почему ГКЧП не победил
(Из книги Г.И. Янаева «ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР»)**

«Операция ГКЧП»

Зачем мы создали ГКЧП? Ответ очевиден для всех, кто пытался и пытается добросовестно разобраться в том, что происходило в СССР в последние годы его существования. Мы видели: Советский Союз разваливается, гибнет.

Советские правоохранительные органы, включающие, естественно, службу государственной безопасности, могли бы предотвратить гибель СССР, если бы не подверглись при Горбачеве разрушительным деформациям. Служащие КГБ оказались в необычайно сложном положении. С одной стороны, на них, как только могли, воздействовали генсек и его приближенные с их якобы демократически-либеральной доктриной. С другой, комитетчики должны были во что бы то ни стало воспрепятствовать развитию внутрисполитической обстановки по самому опасному для государства сценарию, чреватому большим кровопролитием. Осуществление такого сценария было вполне возможным не только в «горячих» республиках СССР, но и в Российской Федерации.

Последний настоящий председатель Комитета госбезопасности В.А. Крючков, лишившийся своего поста за активное участие в ГКЧП, что бы ни говорили о Владимире Александровиче его недруги, был глубоко порядочным человеком. Его «не испортила» даже совместная работа в Будапеште с Ю.В. Андроповым, которого у нас считают первым и главным инициатором, подлинным идеологом «либеральной» перестройки в СССР.

Тут, наверное, не мешало бы попытаться несколько подробнее охарактеризовать личность чекиста, ставшего после смерти Брежнева главой КПСС и Советского Союза. Но едва ли такая попытка увенчается особым успехом. Андропов оставил после себя изрядное количество загадок, связанных с его деятельностью, а также планами и намерениями. Разгадки же Юрий Владимирович, по-видимому, унес с собой в могилу.

С какой стати он в конце 1970-х благоволил Горбачеву, добившись для своего протеже места в ЦК? Каким образом это соотносилось с идеологическими установками и стратегическими целями самого Андропова? Как можно было сочетать в себе потенциального политического реформатора и жесткого консерватора, боровшегося против любых либерально-демократических течений, включая музыкальные (рок-н-ролл, например)?

А может, никаких политических реформ Андропов и не планировал вовсе, намереваясь ограничиться сугубо экономическими? В том-то и дело, что об истинных устремлениях этого человека, судя по всему, не ведали даже его приближенные. Во всяком случае, Владимир Крючков, насколько мне известно, имел на сей счет весьма смутные представления. Или же считал своим долгом «эксклюзивную информацию» о своем давнем знакомце хранить в секрете...

Как бы там ни было, пришедший на смену Крючкову Бакатин пробыл в должности председателя КГБ всего около двух месяцев. Но за этот срок умудрился запустить в эту «святая святых» такое количество ЦРУшников-«консультантов», что они какое-то время решали в нашем государстве вопросы, непосредственно связанные с его безопасностью. Сейчас это воспринимается как несмешной анекдот, а ведь такое было на самом деле.

Во время непродолжительного пребывания на посту министра внутренних дел В. Бакатина органы внутренних дел из инструмента поддержания порядка превратились в вооруженную базу сепаратизма, вооруженных националистических формирований, фактического слияния с организованной преступностью. Именно Бакатин в 1989–1990 гг. заключил от имени МВД СССР соглашения с союзными республиками о передаче им всех функций и сил, оставив за Центром обучение, международные связи, координацию и законотворчество, представительство в союзных органах власти. Все кадры и материально-техническая база – все ушло республикам, краям и областям. Министерство в Москве по этим соглашениям превращалось в беспомощный «дискуссионный клуб»...

Лучшие кадры из КГБ, МВД, армии были изгнаны, патриоты лишились должностей и званий. Наступило безвременье, вернее – время Грачевых, Мурашевых, Ериных, Степанковых. Ельцинская власть щедро расплатилась с ними за развал Советского Союза...

Бывший директор ЦРУ США Роберт Гейтс, прилетев в Москву как победитель, гордо прогуливаясь по Красной площади, вещал: «Мы понимаем, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно разрушить только взрывом изнутри»...

Напоминать о том, каким недружелюбным пропагандистским атакам подвергалась правоохранительная система СССР в последние годы ее существования, вряд ли стоит. В памяти многих сограждан воспоминания об этом еще наверняка не стерлись.

Что же касается темы «доброхотов-консультантов», присланных из «вашингтонского обкома», то она после развала СССР получила свое закономерное и показательное развитие. Уже в первые месяцы 1992 года едва ли не во всех министерствах и ведомствах Российской Федерации появились т. н. «советники» из-за границы. Именно они предметно консультировали гайдаров, чубайсов и других поборников «шоковой терапии», залоговых аукционов, ваучеризации и т. п. И за свои консультации получали такие гонорары, какие им на родине и не снились. Из какой казны выплачивались эти вознаграждения? Уж точно не из американской. А если указать еще точнее – из тех денег, которые ельцинское правительство занимало у западных фондов, вешая на плечи российских налогоплательщиков дополнительные тяготы внешнего долга.

Таким образом, наших сограждан не только многократно ограбили посредством «либеральных реформ», но еще и принудили заплатить за них из собственных карманов дополнительно.

* * *

Вернемся к событиям 1991 года. Крайне тревожная и в то же время запутанная ситуация в стране меня как вице-президента ставила перед очень нелегким идейным и нравственным выбором. С одной стороны, я понимал, что перемены в государстве необходимы, с другой – было очевидно, что Горбачев ведет «не туда». Ведь его первый лозунг «Даешь ускорение!» предполагал быстрое развитие науки и техники, промышленности и сельского хозяйства, образования и социальной сферы. Кто же из нас мог бы этому противиться! Но к чему это все привело? Ни к чему. Или вернее, ни к чему хорошему.

Как ни тошно и стыдно в этом признаваться – из членов Политбюро и Совета безопасности СССР я был последним искренне верившим в то, что президент необъятной дер-

жавы просто по определению не может быть пустым, ничтожным человеком, что рано или поздно он дарованную ему власть использует во благо страны. Эти иллюзии были настолько сильны, что на заседаниях Политбюро, открыто заявляя об ущербности «государственного курса», я тем не менее пытался защищать генсека от резких выпадов со стороны его политических оппонентов.

Более того, первоначально «операцию ГКЧП» ее инициаторы (прежде всего В.А. Крючков и О.С. Шенин) планировали провести в апреле 1991-го, когда Горбачев находился с визитом в Японии. Но мне удалось отговорить их от радикальных действий, представлявшихся тогда неоправданными, чересчур авантюрными. У меня тогда еще теплилась надежда на то, что президент – не «совсем пропащий человек», что его еще можно как-то образумить... Надо ли объяснять, какова была степень моего разочарования после всего того, что произошло в 1991 году?

Уже находясь в «Матросской тишине», я прочитал «фундаментальную» книгу Горбачева с характерным названием «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира». И нашел в этом «труде» столько логических нестыковок, демагогических «вольностей» и глупостей, что не смог пересилить в себе желания разукрасить поля этой книжки всевозможными бранными эпитетами и комментариями. Особенно же раздражали беспрецедентно фальшивые горбачевские сентенции, вроде следующих:

«Все свои успехи и ошибки мы измеряем социалистическими мерками. Тем, кто надеется, что мы свернем с социалистического пути, предстоит глубокое разочарование... Все, что укрепляет социализм, – ко всему этому мы будем прислушиваться, со всем этим мы будем считаться. А с чуждыми социализму тенденциями будем бороться, но, повторяю, в рамках демократического процесса... Роль центра ослаблять не хотим, иначе лишимся преимуществ плановой экономики... При этом руководствовались ленинскими требованиями о единстве законности на территории всей страны, о необходимости не допускать ни тени отступления от наших законов».

Стоит ли тут что-то комментировать? По-моему, нет. Ну разве что стоит мимоходом упомянуть об изумительных признаниях последнего советского генсека, сделанных после Августа-91. Оказывается, «в душе» этот «борец с чуждыми социализму тенденциями» никогда и не был, по его собственным словам, коммунистом, а был самым что ни на есть убежденным социал-демократом. Надо понимать, что и общество в стране он стремился выстраивать социал-демократическое. Ну такое, например, как в Швеции или Финляндии. Или, на худой конец, как в его горячо любимой объединенной Германии, где он когда-то получил титул «лучшего немца».

* * *

В тюрьме у меня, само собой, хватало времени на размышления и на то, чтобы делать закономерные выводы, обобщения.

Я понял мотивы поведения первого и последнего Президента СССР – то, как он, лихо радочно цепляясь за власть после бесчисленных провалов в экономике, предпринимал еще более неадекватные, еще более чудовищные меры, приведшие в конечном итоге страну к полному краху.

Вспоминал, скорее невольно, пресловутую антиалкогольную кампанию с ярко выраженными признаками государственного маразма – все эти «безалкогольные» комсомольские свадьбы, сцены убийственных давок в очередях за спиртным, официальные сводки роста самогонварения, наркомании и токсикомании, вырубленные драгоценные виноградники и прочие безрадостные картины простого общенародного бытия.

Всплывали в памяти и другие мрачные эпизоды позднесоветской действительности. Например, одновременное закрытие – якобы на ремонт – трех крупнейших табачных фабрик страны, вследствие чего ее «незадачливое» руководство вынуждено было ползать на коленях перед болгарями, прося самолетами отправить в Советский Союз самые обычные сигареты.

В СССР ширилось, «цвело и пахло» кооперативное движение. Оно что, помогло избавиться от осточертевшего всем продовольственного и промтоварного дефицита? Никак нет. Кооператоры очень быстро стали ассоциироваться у народа с легальными ворами и спекулянтами. Как-то меня пригласили в телепрограмму «Взгляд» для дискуссии с одним из «лидеров» кооперативного движения (а также одним из первых советских миллионеров) господином Тарасовым. Для чего позвали? Чтобы выставить неисправимым ретроградом и пригвоздить к «позорному столбу» (в этом качестве почему-то использовали конструкцию в виде креста). Эту высокую честь я заслужил своими высказываниями против создания кооперативов. Далеко не всех, конечно. А тех, что паразитировали на государственных предприятиях, использовали для своей наживы материальную, инфраструктурную базу крупных заводов и фабрик, а если и приносили государству и обществу какую-то пользу, то очень сомнительную, эфемерную, едва ли большую, нежели причиненный вред.

Вовсю развернулись силы, действовавшие под девизом «Чем хуже – тем лучше!», экономические, неприкрыто бандитские диверсии, как бы «специфично» это ни звучало, стали в наших городах заурадными явлениями. Доходило до того, что останавливали грузы с самой разной продукцией, двигавшиеся в столицу, и либо уничтожали их, либо заворачивали назад, к месту отправки.

Всем был очевиден злой умысел как причина всех этих негодяйств. И, конечно же, правомерен вопрос: кто стоял за всеми подобными экономическими диверсиями в СССР? Детально прояснить ситуацию, пожалуй, могут лишь те, кто в эту широкомасштабную преступную деятельность был вовлечен. А эти деятели откровенничать на сей счет не станут. Ясно одно: у Горбачева были все необходимые полномочия для того, чтобы подобные диверсии в стране пресечь. Не пресек. Не смог или не захотел? Если не смог, то почему? Если не захотел, то по какой причине? Понятно, что гигантский механизм разрушения экономики, основ государственности, права, социальной жизни был управляемым. А откуда он управлялся – из Кремля или «Бильдербергского клуба» – наверное, все-таки не суть важно...

В одном из интервью мне задали вопрос: «В.А. Крючков рассказывал вам нечто такое, что до сих пор не известно российской общественности?» Я сказал: «Закон запрещает публично отвечать на подобные вопросы, а я человек, несмотря ни на что, законопослушный.

Это во-первых. Во-вторых, прекрасно осознавая, что далеко не все бывшие или нынешние представители государственного руководства соблюдают правила о неразглашении засекреченной информации, я, тем не менее, себе такого позволить не могу. Может, и хочется поделиться с согражданами кое-какими интересными для них сведениями, но, увы, не каждому это в нашем «демократическом» государстве позволено.

Одно скажу. В 1991 году в Москве вдруг возникли небывалые (пожалуй, с военных лет) трудности со снабжением. Но вот ведь парадокс: уже через день после первых объявлений по радио и телевидению о создании ГКЧП в столичных магазинах откуда ни возьмись появились всевозможные «дефицитные» товары...».

* * *

Анализируя основные предпосылки гибели СССР, нельзя не учесть и фактор взаимоотношений Горбачева с Ельциным, которые я бы определил как эдакую обоюдную «зоологическую» ненависть. И это при том, что они выполняли, по сути, одну задачу – расшатывали,

разрушали Советский Союз. Но, как говорили в то время, двум медведям в одной берлоге было слишком тесно.

Считаю, что Лигачев в свое время совершил колоссальную ошибку, пригласив Ельцина, работавшего первым секретарем Свердловского обкома партии, в Москву – сначала на должность заведующего отделом строительства, а потом и секретаря ЦК. Когда Ельцина избрали первым секретарем Московского горкома партии, он повел себя в полном соответствии с духом того времени и первым делом стал завоевывать «любовь масс». Об этих ельцинских фокусах (поездках в общественном транспорте и прочих «явлениях народу») писали много, и подробно рассказывать о них здесь вряд ли есть смысл. Гораздо важнее другое – тема соперничества Ельцина с Горбачевым. Ведь это соперничество, вылившееся в непримиримую борьбу за власть, в конечном счете было оплачено уничтожением Советской державы.

Горбачев не мог противопоставить сопернику свою внутреннюю силу, мощную энергетику, подобных достоинств у генсека-президента отродясь не водилось. Ельцин же способен был, как танк или бульдозер, переть напролом. И это качество, как видно, в значительной мере компенсировало все его недостатки как руководителя и как человека. То есть о какой-то объективной, полезной для всего государства компенсации, конечно, речи идти не может, но на многих тогдашних партийных функционеров ельцинский напор-натиск действовал чуть ли не магически. Даже будучи изгнанным (в 1987 году) с поста первого секретаря МГК КПСС, Ельцин не ушел в политическое небытие, а стал ни много ни мало первым заместителем председателя Госстроя СССР.

Ничем особо выдающимся на должности провинциального секретаря, кроме, пожалуй, уничтожения Ипатьевского дома в Свердловске – приюта последнего российского императора, Ельцин не отличился. Типичный партийный функционер с умеренным интеллектом. В целях искоренения наследия В. Гришина в партийной организации Москвы, Горбачев рекомендовал первым секретарем МГК КПСС Ельцина. На партийном учете в Москве состояли партийные организации всех центральных органов власти. За два года «ельцинского правления» московская партийная организация была почти разрушена. Во главе большинства московских райкомов и крупных парторганизаций остались люди Ельцина. Предав своего покровителя Лигачева, Ельцин развернул в Москве кампанию по его дискредитации. Естественно, с благословения Горбачева как главного заказчика. Пленум ЦК КПСС, обвинив Ельцина в раскольнической деятельности, рекомендовал освободить его от должности московского партийного «воеводы». М. Горбачев обеспечил Ельцину министерский пост в Госстрое СССР. Все привилегии и блага, против которых активно и громко боролся будущий Президент России, погрязший в роскоши, у него тогда сохранились. При минимальной загрузке на служебной работе, он активно использовал время для организационно-политической деятельности в своих интересах. М. Горбачев, считая, что контролирует через А. Яковлева формирование либеральной оппозиции, недооценил потенциальной опасности Б. Ельцина.

Борьба за власть в эти годы сконцентрировалась вокруг проблем, связанных с реформированием экономики. М. Горбачев и Б. Ельцин никогда не были крупными специалистами в экономике. Не понимали они и рыночных отношений, трудностей и проблем, связанных с переходом к ним. Они не понимали, что переход к рынку непосредственно затронет всех граждан, что рынок – вещь жесткая, а на первом этапе – и жестокая. Чтобы «смягчить» эту жестокость, было необходимо «встроить» в эти отношения социальные амортизаторы, которые смикшировали бы негативные последствия переходного периода. Противоречия М. Горбачева и Б. Ельцина по этому вопросу были не разногласиями в подходах и принципах, а лишь следствием столкновений интересов в процессе их борьбы за единоличную власть. Экономика страны стала заложницей политической борьбы за власть, что выражалось в требованиях «демократических реформ против разрушения командно-администра-

тивной системы», где каждый называл себя демократом-рыночником, а противника – консерватором, партократом, бюрократом...

Однако в то, что Горбачев с Ельциным искусно, мастерски играли роли непримиримых взаимных врагов, сам не верю и верить никому не советую. Повторяю, их самая настоящая, обоюдная, лютая неприязнь была хорошо известна всем, кто их хоть немного знал. Для подтверждения этого приведу пример из собственной «биографии». Как-то раз под началом Горбачева мы проводили заседание Совета безопасности. Оно было рассчитано примерно на 40 минут (генсек собирался на какую-то встречу) и носило скорее формальный характер, то есть вполне можно было и без него обойтись. Так вот, перед этим дежурным мероприятием я предложил В.А. Крючкову эдакое шутейное пари, заявив: спорим, дескать, я сорву это заседание. Владимир Александрович согласился поставить бутылку коньяка на то, что у меня ничего не получится. Как только начали заседать, я обратился к Горбачеву: «Михаил Сергеевич, прежде чем перейти к повестке дня, хотел бы вот что спросить: до каких пор будем терпеть безобразия Ельцина? Неужели его никак приструнить невозможно!». И тут, как говорится, Горбачева понесло. Он все 40 минут посвятил рассказу о том, кто такой Ельцин, и даже чуть было на свою запланированную встречу не опоздал. Крючков с тех пор мне остался должен коньяк... Ну да ничего, «там» встретимся – сочтемся.

* * *

В марте 1991 года прошел всесоюзный референдум. Власть спрашивала у многонационального народа, желает ли он и дальше жить в единой-неделимой Советской стране. И хотя пресловутые «центробежные тенденции» уже заявили о себе во весь голос, ни один здравомыслящий политик в СССР вслух не задавался вопросом: «Нужен нам этот Союз или не нужен?». Даже в тех республиках, в которых власти исподволь (а порой и вполне открыто) поощряли националистические настроения, политически активные люди выступали в основном за конституционные реформы, но – в рамках единого союзного государства.

Зачем вообще потребовался означенный референдум, имелись для его проведения какие-то основания, помимо надуманных? Нет, не было для этого никаких серьезных оснований. Но даже если допустить, что имелись, то результаты всенародного опроса должны были поставить в этой истории вместо нелепого знака вопроса жирную точку: более трех четвертей граждан Советского Союза высказались за сохранение государства. Что должен был сделать глава этого Союза сразу после референдума? Организовать полноценный законотворческий процесс – для внесения в Конституцию СССР необходимых корректив, изменения устаревших законодательных принципов во взаимоотношениях республик и Центра. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять разумность, целесообразность и полезность именно такого шага.

Но Горбачев подобными критериями не руководствовался. Он втайне от остальных членов союзного правительства и в сговоре с поборниками всевозможных «суверенитетов» приступил к подготовке новых «договорных отношений» между республиками. Роль союзного Центра в соответствии с разработанными проектами этих «договоренностей» сводилась к ничтожному минимуму. Таким образом, СССР как единое государство обрекался на сугубо номинальное существование, по сути – на распад.

Создавая ГКЧП, мы стремились предотвратить запланированное «суверенитетчиками» подписание так называемого Союзного договора, призванного фактически упразднить на территории СССР прямое действие союзной Конституции и утвердить верховенство конституций республиканских. (К заключительной работе над «договором» Горбачев и руководители 9 союзных республик приступили уже в апреле 1991-го – на печально-скан-

дально известной встрече в Ново-Огареве, из-за чего этот вероломный антисоветский, анти-государственный процесс и получил название «Новоогаревского».)

Самый чувствительный удар по единству союзного государства нанесли российские (ельцинские) власти. Они приняли законодательные и подзаконные акты, недвусмысленно направленные против Основного закона СССР. Согласно этим сепаратистским решениям, наши граждане в случаях коллизий (противоречий) между союзной и республиканской конституциями обязаны были руководствоваться положениями второй. В противном случае людям грозили административные и даже уголовные наказания.

По тем же нормативно-правовым актам практически вся крупная собственность, находившаяся на территории республики (государственные предприятия и учреждения практически всех сфер народного хозяйства – тяжелой и легкой промышленности, агрокомплекса, науки, культуры, образования и т. д. и т. п.), оказывалась в подчинении у республиканского руководства. В ведении союзного государства не оставалось практически ничего.

Рушилась сложившаяся за многие десятилетия двухканальная налоговая система. Союзные республики переставали платить обязательные налоги в общую казну – на содержание единых вооруженных сил, правоохранительных органов, на фундаментальные научные исследования, наукоемкие производства и прочие высокочрезвычайные «великодержавные» нужды.

В том, что на таком положении вещей настаивал Ельцин, ничего странного, разумеется, нет. Но почему на все это соглашался глава союзного государства Горбачев? Можно ли придумать какое-то разумное оправдание его соучастию в том заведомо губительном, геро-стратовском процессе? Лично я при всем желании не смог бы найти подобного оправдания.

Помнится, мне в то время пришлось поучаствовать в телевизионном диспуте с Русланом Хасбулатовым, незадолго до этого избранным председателем Верховного Совета РСФСР. Я прямо заявил своему визави: вы ведете дело к развалу Советского Союза. И Хасбулатов по сути ничего не возразил. (Он, естественно, напустил туману и пытался отрицать очевидное, но это по большому счету – пустое...) Да и что тут возразишь. Разве возможно в современном мире существование такого государства, которому не требуются свое имущество, своя Конституция (ОСНОВНОЙ ЗАКОН ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ), своя крепкая налоговая база! Подобное государство – и не государство вовсе, а некий фантом, мираж, «облако в штанах», как говорил Маяковский.

В противовес итогам референдума Совет министров РСФСР срочно принял 24 и 27 июня свои постановления, однозначно рассматривающие Россию как самостоятельное государство вне Советского Союза. Ельцинское руководство приняло решение о приоритете республиканских законов перед союзными...

Примеру Российской Федерации, успевшей принять «Декларацию о независимости» (читай от Советского Союза и других союзных республик), видя неспособность центральной власти остановить эти сепаратистские тенденции, последовали и другие союзные республики. Горбачев, продолжая за спиной Верховного Совета СССР и советского правительства «работу» над Союзным договором, сдавал сепаратистам и националистам одну позицию за другой.

18 июня 1991 г. Горбачев представил в Верховный Совет СССР проект Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ). Это был проект ликвидации СССР как единого федеративного государства, ликвидации социалистического строя и Советов народных депутатов как основы демократического народовластия. Нарушения Конституции СССР и законов СССР приняли со стороны президента страны – гаранта ее Конституции – характер государственной измены, влекущей за собой особо серьезное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом.

Представленный Горбачевым проект Договора о Союзе Суверенных Государств был настолько откровенно антиконституционным, противоречащим решению Съезда народных депутатов СССР и итогам всенародного референдума, антигосударственным и антинародным, что даже последующий Верховный Совет СССР восстал против этого «документа», слепого Горбачевым и его поделщиками за спиной народа.

После длительных дискуссий Верховный Совет принял постановление «О проекте Договора о Союзе Суверенных Государств», в котором высказался за его коренную доработку, создал союзную делегацию, обязав ее провести согласование с республиками и подписание переработанного Договора на Съезде народных депутатов СССР. Союзную делегацию Горбачев даже ни разу не собрал. Вместо этого в августе 1991 г., находясь в Форосе, он рассылает новый проект собственного сочинения и беспринципных уступок под грифом «совершенно секретно»... Он начинает придумывать сценарий подписания «Договора».

20 августа 1991 г. это подписание должно было начаться, но союзная делегация должна была его подписать в середине сентября...

Мне было абсолютно ясно, что после 20 августа 1991 г. Советский Союз перестанет существовать. Это была одна из причин моего участия в создании ГКЧП...

* * *

Почему наше многонациональное общество почти никак не препятствовало «центробежным тенденциям»? По-видимому, оно очень плохо представляло себе, во что эти «процессы» могут вылиться. Российские «демократы» и их «товарищи» в других национальных республиках весьма умело использовали пафосную риторику, призывая бороться за независимость, «свободу, равенство, братство», гражданские права и тому подобное.

А что им противопоставили мы, их противники? В основном непривлекательные, вовсе «не зажигательные» (хотя и абсолютно справедливые) обвинения в антиконституционных действиях. Слово «антиконституционный» наводит на простых, далеких от юриспруденции граждан скуку. Сторонникам сохранения союзного государства надо было вооружиться яркой, по-настоящему «митинговой» лексикой, использовать в адрес сепаратистов более понятные народу (где-то, может быть, даже и «крепкие русские») выражения. Но, увы, как говорят немцы, «самые хорошие мысли приходят всегда с опозданием»...

Бумеранг обвинений в антиконституционных действиях ударил по нас в недолгие дни существования ГКЧП. Трудно спорить с утверждением о том, что наш Комитет не был предусмотрен союзной Конституцией. И тем не менее его создание было последним и, пожалуй, единственным способом для спасения и самой Конституции, и государства, в котором она была принята.

Сейчас уже мало кто знает, что говорилось в Постановлении ГКЧП № 1. Полагаю, будет не лишним полностью привести этот документ.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюде-

ние режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случаях отказа – изымать их в принудительном порядке с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных Сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается. В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять досмотр, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима. Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану, важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а также системы жизнеобеспечения. Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства, строгое выполнение мер по сохранению и восстановлению на период стабилизации вертикальных и горизонтальных связей между субъектами хозяйствования на всей территории СССР, выполнение установленных объемов производства, поставок сырья, материалов и комплектующих изделий. Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра. Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики. Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимой работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету Министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольствия и промышленных товаров первой необходимости, доложить народу, чем располагает страна, взять под строжайший контроль их сохранность и распределение. Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства, жестко контролировать соблюдение такого порядка. Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных детских учреждений, детских домов, школ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, а также пенсионеров и инвалидов. В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышении заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан. В двухнедельный срок разработать мероприятия по упорядочению размеров заработной платы руководителей всех уровней государственных, общественных, кооперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и т. д. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военнослужащих на село.

13. Кабинету Министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991–1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га.

14. Кабинету Министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильем. В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в центре и на местах уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования».

* * *

Да, создавая ГКЧП, мы, наверное, как-то помешали подписать пресловутый Союзный договор. Но только 20 августа 1991 года. И хотя, повторюсь, уже само это подписание ставило крест на союзном государстве, допустим на минуточку, что Союзный договор, по большому счету, был полезен народам нашей страны. Кто мешал его подписать в сентябре или октябре? Да почему бы и не в конце августа! Мы, «путчисты», находились в тюремных камерах, самое время им, подписантам, было отпраздновать победу демократии и после веселых победных застолий приступить к формированию Союза Суверенных Государств. Но никому это было не нужно. Все республиканские руководители доживавшего последние дни СССР прекрасно знали, что мыльный пузырь ССГ лопнет едва ли не в тот же день, когда его надуют. Ельцинский советник Бурбулис признавался, что еще в начале 1991 года они (то есть Ель-

цин и представители властей других союзных республик) планировали создавать именно то, что впоследствии получило название «СНГ». А это, с точки зрения государственного строительства, не просто ни то ни се, но абсолютное ничто...

Август 91-го

Вспомним, как развивались события накануне создания ГКЧП. В середине июня 1991 года на заседаниях Верховного Совета СССР с докладами о положении в государстве и обществе выступили председатель правительства В. Павлов, министр обороны Д. Язов, председатель КГБ В. Крючков и министр внутренних дел Б. Пуго. Павлов докладывал на открытом заседании, доступном для прессы, руководители силовых структур – на закрытом. Несмотря на сухость формулировок, содержащихся в этих выступлениях, депутатам было совершенно понятно: ключевые персоны союзного правительства били в набат.

Т. н. «демократическая пресса» подняла гвалт, пытаясь представить доклад В. Павлова о кризисном положении в стране и требующихся мерах по его преодолению как попытку возврата к тоталитаризму, как репетицию переворота. Правда, при этом никто не озабочился вместо инсинуаций, догадок опубликовать этот доклад, чтобы каждый мог понять, чего хочет правительство. А хотело оно приступить к осуществлению неотложных мер – в том случае, если бы парламент предоставил кабинету министров соответствующие полномочия: право законодательной инициативы, право принимать решения нормативного характера при реализации экономических программ, законную возможность для организации централизованной, независимой налоговой службы по всей стране, возможность восстановить единство банковской системы, право создания единой общесоюзной службы по борьбе с организованной преступностью... Павлову в удовлетворении его справедливых просьб Верховный Совет отказал...

В докладах Язова, Крючкова и Пуго шла речь о фактах подрыва извне экономической, политической, оборонной безопасности с помощью коллаборационистов, прямых агентов и пособников внутри страны. Вот что говорил, например, В. Крючков на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года:

«Реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране.

Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза СССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране...

В некоторых регионах гибнут сотни ни в чем не повинных людей, в том числе женщины, старики, дети. Тщетно призывают к проявлению политического разума, к справедливости сотни тысяч беженцев.

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это – нормальное явление, а процессы развала государства – это благо, это созидание.

Резко усилились процессы дезинтеграции экономики, нарушены складывавшиеся десятилетиями хозяйственные связи, тяжелейший ущерб нанесли народному хозяйству забастовки...

Все более угрожающие масштабы приобрела преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества. Недовольство народных масс ситуацией в стране находится на критическом уровне, за которым возможен небывалый по своим последствиям социальный взрыв. О стремительном скатывании общества к этой опасной черте свидетельствует настроение простых тружеников. Они первыми испытывают на себе последствия кризиса и в политике, и в экономике. Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая пассивность на руку политикам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву...

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные внешние силы....»

* * *

К сожалению, у В. Крюčkова были все основания для подобного заявления. Еще 28 марта 1991 года спровоцированные «демократами» толпы устремились к Красной площади на несанкционированный митинг – «в поддержку Ельцина». Словно на него, борца за счастье народное, проклятые коммунисты обрушили жесточайшие репрессии. В самом, наверное, бедном, славном своими пролетарскими традициями районе Москвы – на Новом Арбате, аккуратно перед таким же пролетарским роддомом смелые манифестанты разместили огромный плакат «Бабы, не рожайте коммунистов!». С тех пор, надо полагать, коммунистов там не рожают...

Как бы там ни было, ситуация в столице грозила окончательно выйти из-под контроля властей. Накануне митинга три десятка депутатов РСФСР просили Горбачева немедленно ввести войска в Москву. Но разве мог этот безупречный поборник демократических свобод пойти на столь непопулярные меры! Он «отфутболил» обращение парламентариев к Павлову и Язову, дав им понять, что просьбу депутатской группы надо бы уважить.

Уважили. Ввели в столицу подразделения Таманской и Кантемировской дивизий. Те в свою очередь не пустили бесновавшиеся толпы на Красную площадь, локализовав «демонстрантов» на подступах к ней.

Меня же Горбачев попросил встретиться с московскими «демократическими вождями» Поповым (тогда еще председателем Моссовета), Мурашевым и Афанасьевым – для «разъяснительной работы» в моем рабочем кабинете. Пришли двое, без Попова. Сели ждать в приемной, а в это время из кабинета после нашего совещания выходили Крючков и Язов. Я через дверной проем увидел, как мгновенно перекошились от ужаса лица «демократов». Видимо, они в тот момент подумали: «Ну все, не иначе брать будут...».

«Брать», естественно, никто и никого не собирался, однако, пригласив отважных бунтарей в кабинет, я недвусмысленно их предупредил: так, мол, и так, товарищи «демократы», если в Москве произойдут беспорядки, вы за них заплатите очень дорогой ценой.

И к кому же немедля обратились с жалобой эти главные московские «фронтеры»? К Горбачеву, вестимо. Он опять остался «чистеньким». А на нас с Павловым в «демократической» прессе навешали очередных ярлыков, обвинив и во вводе войск, и в борьбе с инакомыслящими...

На протяжении всех лет «после ГКЧП» мне довольно часто, в разных вариациях, задают вопрос: «Как же так! Клянeshь Горбачева на чем свет стоит, а сам все время его поддерживал. Неужто не видел, куда он вел страну?».

Отвечал и отвечаю: поддерживал не во всем и не всегда, это раз. Во-вторых, политика – это, как известно, искусство возможного. А возможности нередко бывают таковы, что из двух зол приходится выбирать меньшее. Ведь какой-то реальной третьей силы в СССР тогда не было, а были Горбачев и Ельцин с их «командами». Следовательно, выбор приходилось делать исключительно между ними. А в-третьих, мне и сейчас порой кажется, что в душе Горбачев вовсе не желал развала Союза. Этому горе-президенту, что бы о нем ни думали, хотелось сохранить за собой «трон», и за власть Горбачев цеплялся из последних сил. Другое дело, коготок у него увяз, вследствие чего ему приходилось изворачиваться, «лавировать». Вот и «долавировался» – и власть потерял, и страну погубил, и несмываемым позором себя покрыл на веки вечные...

Ввязываясь в эту историю с созданием ГКЧП, мы все прекрасно понимали, что Горбачева надо было сохранить при власти. Хотя бы потому, что, отстранив его от руководства страной, мы, по сути, обрекли бы ее на экономическую и политическую изоляцию (как это ни постыдно, СССР уже не мог обходиться без финансовой помощи из-за рубежа, а генсек-президент все еще пользовался поддержкой крупнейших мировых держав). Отдавали мы себе отчет и в том, что рисковали буквально всем. В лучшем случае, то есть в случае одобрения наших действий Горбачевым, он бы вернулся в столицу и приступил к управлению государством в условиях чрезвычайного положения. Однако, зная горе-президента, мы предполагали, что, скорее всего, он нас «продаст» и самой завидной участью для членов ГКЧП станет либо выращивание морковки на загородных дачах, либо «почетные миссии» дипломатов в третьеразрядных африканских странах. В худшем случае, допускали мы все, нас просто-напросто уничтожат без суда и следствия, и наши самые «демократические» в мире средства массовой информации такой исход сочтут вполне нормальным...

* * *

Признаюсь честно, я довольно долго колебался, не решаясь подписывать проект документа о введении чрезвычайного положения в стране. А узнал о нем, видимо, самым последним среди всех его организаторов.

16 августа в Концертном зале имени Чайковского, на торжественном собрании, посвященном Дню авиации, мы сидели в президиуме вместе с О. Баклановым и Д. Язовым. И хотя они, судя по всему, уже были в курсе всех «чрезвычайных» приготовлений, мне ничего о них не сказали. На следующий день в московском гостевом доме политической разведки проводили совещание председатель КГБ В.А. Крючков, премьер-министр В.С. Павлов, министр обороны Д.Т. Язов, руководитель аппарата Президента СССР В.И. Болдин, секретари ЦК КПСС О. С. Шенин и О.Д. Бакланов, заместители министра обороны генералы В.И. Варенников и В.А. Ачалов, заместитель председателя КГБ генерал В.Ф. Грушко. Они решили направить в Форос к Горбачеву делегацию, состоявшую из наиболее близких к нему людей, чтобы проинформировать о крайне сложной обстановке в стране и предложить ему ввести чрезвычайное положение.

Вместе с руководителем президентского аппарата В. Болдиным, секретарем ЦК КПСС О. Шениным, командующим сухопутными войсками СССР В. Варенниковым, руководителем 9-го Управления КГБ Ю. Плехановым в Крым прилетели генерал В. Генералов, с ним шесть человек из личной охраны Горбачева и пять связистов.

Положение дел с охраной Горбачев прекрасно знал и контролировал лично. Более того, у него была абсолютно полная возможность покинуть дачу в любое время и любым путем: по суше, по воде, по воздуху... Вопреки фактам, вопреки истине Горбачев утверждает: «Путчисты наглухо блокировали меня от внешнего мира, причем и с моря, и с суши. По сути психологическое давление»...

Если бы его запугивали, разве предложили бы ему полететь немедленно в Москву и там разбираться в ситуации и принимать меры. Но, сказавшись нездоровым, Горбачев от возвращения в Москву отказался. Была у Горбачева возможность пользоваться радиосвязью, связью по телефону, включая спутниковую связь. Не воспользовался, т. к. выжидал, рассчитывал – чья возьмет, чью сторону поддержать, чтобы остаться на политическом олимпе. То, что связь была, подтвердил в своем интервью один из руководителей коллектива, участвовавшего в создании системы связи в Форосе. В декабре 1991 г. он прямо заявил, что утверждения о полном отключении связи Фороса с внешним миром – выдумка. Этого не может быть даже при ядерном взрыве.

На самом же деле здесь была самая настоящая самоизоляция. Дело было так. Восемнадцатого, в воскресенье, мне позвонил в Кремль старый, хороший приятель, бывший главный редактор одной из всесоюзных газет, и позвал в гости. Он был после инсульта, нуждался в лекарствах. Я привез ему требуемые снадобья, сели за стол, выпили по рюмке коньяку, повели душевную беседу. Вдруг пришел из машины начальник охраны и доложил: «Павлов звонит, просит с ним связаться». Я охраннику: спасибо, мол, скажите ему, что свяжусь с ним попозже. У меня в тот момент и мысли не возникло, что этот звонок председателя правительства обусловлен какими-то экстраординарными обстоятельствами, – с Павловым созванивались часто и далеко не всегда по каким-то неотложным делам.

Примерно через час снова появился начальник охраны: «Крючков звонит...». Тут уж стало ясно: происходит что-то необычайное. Подошел к телефону в машине, взял трубку и услышал голос председателя КГБ: «Геннадий Иванович, мы вас ждем в Кремле, в кабинете Валентина Сергеевича Павлова».

Приехал в Кремль, вошел в премьерский кабинет и увидел там внушительную группу, так сказать, высокопоставленных советских руководителей.

В.А. Крючков, не мешкая, ввел в курс дела:

– Группа уполномоченных нами товарищей летала в Крым к Горбачеву. Михаилу Сергеевичу было сказано: наше терпение лопнуло, надо срочно принимать чрезвычайные меры в стране.

Еще Владимир Александрович сообщил, что нормальный разговор у посланников с Горбачевым, в общем-то, не склеился, однако на прощание он им обронил: мол, черт с вами, делайте, что хотите, только созовите Верховный Совет СССР. Меня все эти новости буквально ошарашили, и перво-наперво я спросил:

– А где те, кто к Горбачеву летал?

– В самолете. Возвращаются в Москву. Ждем их прибытия.

Действительно, через некоторое время они появились в кабинете председателя правительства и рассказали о своей встрече с президентом СССР. Этот рассказ меня, мягко говоря, не вдохновил, не обрадовал. И в ответ на обращенный ко мне призыв принять на себя временное исполнение обязанностей главы государства я поначалу решительно отказался: «Нет, уважаемые товарищи, не стану брать на себя такую ответственность. Вы представляете, какова будет реакция в стране и мире, какие вопросы начнут задавать: куда подевали Горбачева, что с ним, на каком основании за руль государства уселись?! Ведь уже следующим утром всполошатся, зарычат и завоюют так, что никому мало не покажется! Простите, конечно, но от подобной чести меня, пожалуйста, избавьте. – Еще не вполне оправившись от смятения (скорее даже шока), я с некоторой надеждой посмотрел и тем самым обратил взгляды собравшихся на председателя Верховного Совета СССР. – Анатолия Ивановича Лукьянова главным назначьте. Он как-никак высшим органом власти у нас в стране руководит...»

И тогда Валерий Иванович Болдин, только что вернувшийся из Фороса, эдак философски-флегматично изрек: «Ну что ж, Геннадий Иванович, придется действовать без вас. Вот

только шансы на то, что завтра же окажемся арестованными, очень близки к стопроцентным»...

Дальше меня уговаривать не потребовалось. Шел первый час ночи. Я взял ручку и подписал все документы о создании ГКЧП. Из них наиболее характерный, показательный (по крайней мере с точки зрения истории) – «Обращение к советскому народу».

«ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР
18 августа 1991 г.

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах – лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решить народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, страшнее, чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма – регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и

новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение – в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и авторитет все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным порядком подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос. Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получали такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящих под угрозу жизнь и здоровье будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения или сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса. Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра. Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций. Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан. Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больше всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность. Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринима-

тельство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг. Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа. Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе. Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час – значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственный правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени. Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества».

* * *

Основным автором «Обращения к советскому народу» был замечательный писатель, публицист, трибун А.А. Проханов. Но это совсем не удивляет. Гораздо удивительнее другое. В разработке других документов, планов, операций ГКЧП принимал самое деятельное участие тогдашний командующий ВДВ Грачев, который, как заправский Труффальдино, умудрился послужить в те августовские дни сразу нескольким «господам». Сначала активно «помогал» Язову, а 20 августа открыто переметнулся к Ельцину. Употребляю слово «открыто» потому, что втайне Грачев обслуживал-информировал Ельцина, по всей видимости, еще до объявления о создании ГКЧП. Грачев с Ельциным познакомились, когда Борис в свое время разъезжал по военным частям, и тогда очень хорошо спились или спелись...

Кроме декларации мы, увы, ничего не сделали. Мы договорились о том, что по возвращении Ельцина из Казахстана (19 августа) в Чкаловском его встретят Язов и Бакланов, которые должны объяснить Президенту РСФСР особенности качественно новой ситуации, уяснить его реакцию на происходящее и предупредить о серьезности предпринимаемых шагов по наведению порядка в стране. Однако запланированная поездка в аэропорт не состоялась. И, как потом выяснилось, она могла бы стать совершенно бесполезной: Борис Николаевич прилетел в таком «разобранном виде», что какие бы то ни было консультации с ним были просто-напросто невозможны. Разве что после его длительного пребывания в барвихинском «естественном вытрезвителе» с Ельциным имело смысл вести какой-то диалог. Однако вре-

мени у министра обороны и первого заместителя Совета обороны на это не было – ситуация в Москве все более обострялась, возле здания Верховного Совета РСФСР (т. н. «Белого дома») стремительно разрастался, усиливался «демократический» шабаш. Режим чрезвычайного положения требовал введения комендантского часа на ночное время и запрета некоторых изданий, возбуждавших небывалую истерию и игнорировавших наши призывы к спокойствию и соблюдению законности.

А вот дальше наши действия, увы, подчинились порочной логике демонстративного противостояния с ельцинскими органами власти. Началась бессмысленная борьба указов и постановлений: мы издаем – они отменяют, они издают – мы отменяем. На это «перетягивание одеял и канатов» уходило драгоценное время, которое, как говорится, работало отнюдь не на нас. Почему все так сложилось? Наверное, прежде всего потому, что мы, члены ГКЧП, в столь «нештатных» условиях оказались впервые и были к ним слишком слабо подготовлены. И эта слабость, неуверенность, половинчатость в принятии решений, которых, несомненно, ждало советское общество, не могли не сказаться на его умонастроениях в августовские дни 1991-го.

Белый дом... Если бы мы были такими же политическими циниками, как Ельцин, который на глазах у всего мира расстрелял из танков собственный парламент, мы бы, наверное, взяли штурмом Белый дом. Но у нас были другие задачи. Мы не хотели воевать со своим народом...

Но мы даже по мелочи ничего не сделали. Уж при желании хотя бы свет и канализацию у Ельцина могли отключить. Да если уж на то пошло, приведу такой факт. Мои телефоны, как выяснилось, начали прослушивать уже 16 августа, а у Ельцина только с утра 19-го. Когда Ельцин (в 6 часов 30 минут утра) уже знал обо всех первых решениях ГКЧП, ему позвонил Грачев. Так вот Грачев говорит Ельцину по телефону: «Имейте в виду, ВДВ против вас не пойдут, я направлю к вам генерала Лебеда с танками для охраны Белого дома. Но нам нужны гарантии...». Ельцин тогда пообещал обоим хорошие должности.

В общем, Ельцин абсолютно точно знал, что никакой атаки не будет, чувствовал себя спокойно – при такой-то поддержке. Не надо было нам выводить на улицу танки... Ведь весь этот психоз – «ГКЧП сейчас начнет стрелять» – нагнетался и был выгоден Ельцину. Людей будоражили те, кто был в Белом доме, это делалось вполне сознательно.

Мы начинали со всей очевидностью понимать, что Ельцин и его присные не побрезгают никакой провокацией. И постараются во что бы то ни стало повязать нас по рукам и ногам кровавыми путами невинных жертв. У Белого дома было много людей, которые искренне пришли защищать себя и свое будущее. Потому что им сказали, дескать, ГКЧП хочет вас уничтожить.

* * *

Действительно, кровь пролилась – в ночь с двадцатого на двадцать первое августа 1991 года погибли три последних «Героя Советского Союза». Не буду касаться их морального облика и поведения в ту трагическую ночь, ибо «мертвые сраму не имут». Замечу лишь, что эти смерти – явно не на нашей совести. Бронемашины с их экипажами, ставшие невольными участниками этой трагедии, двигались, никому не угрожая, по Садовому кольцу. И не к «Белому дому», а к исходным позициям.

Инцидент произошел около полуночи (с 20 на 21 августа). В районе Белого дома начались передвижения войск. Одна из военных колонн бронетехники, присланных в Москву по приказу ГКЧП, следовала от Белого дома. На въезде в тоннель под Новым Арбатом на Садовом кольце в районе улицы Чайковского (ныне Новинский бульвар), перекрытом баррика-

дами, сооруженными сторонниками правительства и Президента РСФСР Бориса Ельцина, произошли столкновения военных с толпой...

Как заявил журналистам генерал-лейтенант Николай Смирнов (военный комендант Москвы с 1988 по 1999 год), военнослужащие, находившиеся в колонне, не имели приказа штурмовать Дом Советов РСФСР. Колонна перемещалась в соответствии с порядком о комендантском часе, объявленном членами ГКЧП и наступившем с 23 часов, и двигалась на Смоленскую площадь с целью проведения дежурства и патрулирования.

Колонну попытались остановить. Дальнейший проезд по Садовому кольцу был заблокирован сдвинутыми троллейбусами. В момент выезда из тоннеля в БМП полетели камни и бутылки с зажигательной смесью. Находившиеся на броне военнослужащие получили различные ранения... Первые 6 машин прорвались через баррикаду. 7-ю машину (БМП № 536) толпа блокировала вновь сдвинутыми троллейбусами. На броню вскочили молодые люди, набросили на приборы наблюдения брезент. Трое из них – Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов погибли. Комарь, набрасывая брезент на смотровые щели БМП, зацепился за него и, когда машина сделала резкий маневр, разбил себе голову. Усов был убит рикошетом от предупредительных выстрелов. А Кричевский – выстрелом в голову...

Когда демонстранты, пытаясь остановить движение БМП в сторону Смоленской площади, облили бензином (огневой смесью) БМП № 536, и машина загорелась, то покинувший ее экипаж стал под градом камней и металлических прутьев перебегать к соседним БМП. Во время посадки в БМП № 521 двое из членов экипажа горевшей машины, прикрывая отход товарищей, делали предупредительные выстрелы в воздух. В этот момент Кричевский ринулся к БМП и получил сквозное смертельное ранение в голову.

Комарь, Кричевский и Усов посмертно получили звания Героев Советского Союза, против военных было возбуждено уголовное дело. После четырех месяцев следствия экипаж БМП № 536 оправдан... Уголовное дело в отношении командиров и членов экипажей бронетехники прекращено постановлением прокуратуры г. Москвы от 20. 12.1991 «За отсутствием состава уголовно наказуемого деяния».

Провал

После гибели в центре Москвы трех молодых людей стало окончательно ясно: спасение государства посредством создания ГКЧП закончилось провалом. Одна из основных его причин – раскол, произошедший в некогда единой и непобедимой Советской армии. В ее руководстве еще оставались те, кто был верен присяге, воинской дисциплине, своей советской Родине. Но уже немало завелось и таких, для кого эти высокие понятия были совершенно пустыми, бессодержательными звуками. Маршал Е. Шапошников, генералы П. Грачев и А. Лебедь, как мне видится, не считали для себя обязательным сохранять верность присяге, блюсти офицерскую честь. С оперативных совещаний, проходивших в дни работы ГКЧП у министра обороны, эти господа (в то время «товарищи») бежали с докладами к Ельцину и Руцкому. Это было самым настоящим предательством, изменой советской социалистической Родине и воинскому долгу.

Танки и бронемашин, брошенные Лебедем и Грачевым на «оборону «Белого дома», их услужливые реверансы перед Ельциным, разумеется, способствовали дальнейшему карьерному росту этих генералов в постсоветской России. Однако можно ли сказать, что соотечественники вспоминают о них с почтением и признательностью? Ну, может, кто-то и вспоминает, вот только год от года число таких благодарных граждан резко уменьшается, неуклонно стремясь к нулю.

По сию пору распространяются глупые домыслы о якобы сорванной «ельцинскими» генералами попытке штурма «Белого дома» в те августовские дни. Ответственно свидетельствую: никаких попыток штурмовать что-либо тогда не предпринималось. С Ельциным же об этой выдуманной «боевой операции» мы говорили по телефону приблизительно в таких выражениях:

– Геннадий Иванович, мне доложили, что вы намерены штурмовать «Белый дом». Не делайте этого, прольется много крови. Взвесьте все еще раз, не допускайте непоправимого...

– Борис Николаевич, ни о каком штурме не может быть и речи. Если вам что-то показалось, привиделось или слышалось, если вас обуял безотчетный страх, приготовьте на всякий случай лишний комплект нижнего белья. Его использование вами может стать самым страшным происшествием для «защитников Белого дома»...

Разумеется, у меня были все необходимые полномочия для ответственных заверений Ельцина в том, что его жизни и «драгоценному» здоровью абсолютно ничего не грозило (кроме разве что его личных гастрономических и прочих пристрастий). Ведь без решения ГКЧП ни Язов, ни любой другой военачальник не могли отдать приказ о штурме Дома Советов РСФСР. Это потом многие генералы и офицеры били себя кулаками в широкие груди, заявляя: мы, дескать, никогда и ни за что не стали бы выполнять «преступные приказы», от кого бы они ни исходили.

Так и подмывает порой осадить этих «вольнодумцев»: «Да куда бы вы не делись, пока погоны на плечах носите. Ваше дело – неукоснительно выполнять приказы, а не обсуждать их перед телекамерами и микрофонами!». А то, что Грачев (по «странному стечению обстоятельств» ставший при Ельцине министром обороны РФ) и Лебедь воинскую честь растоптали, испохабили, не может служить достаточным основанием для полного разложения в армии, будь то армия советская или постсоветская.

* * *

С 19 по 21 августа я по два раза в день проводил заседания ГКЧП. Председатель правительства В. Павлов, к сожалению, побывал лишь на одном из них. Затем сказался больным и

слег с гипертоническим кризом. Его первый заместитель Догужиев, казалось, принял на себя обязанности главы кабинета министров, но мои распоряжения фактически саботировал. А поручил я ему принять экстренные правительственные меры по снижению цен на детские товары, продовольствие и другую продукцию повышенного спроса, а также по всемерному обеспечению сельскохозяйственных работ (ведь была в разгаре уборочная кампания).

Впоследствии некоторые явно недружелюбно настроенные граждане пытались попрекать меня этими, на их взгляд, чисто популистскими (и, к огромному для меня сожалению, невыполненными) поручениями. Отвечал я этим «оппонентам» примерно так: «Популизм – это когда провозглашают одно, а делают нечто совершенно противоположное. К примеру, «борьба» вашего кумира Ельцина с привилегиями... Действия же властей, направленные на улучшение жизни народа, не только облегчают его трудное существование, но и укрепляют государство. Снижение цен, на взгляд обычных людей, – несомненное благо (лучше всех это понимал Сталин), а повышение – несомненное зло. Вот какую простую истину не мешало бы вам всем уяснить»...

С Догужиевым у меня вроде бы сложились к тому времени весьма неплохие профессиональные и товарищеские отношения. В свое время мы по поручению Горбачева совместно корпели «денно и ночью», в частности, над разработкой схемы кабинета министров и, можно сказать, сдружились. Но друзья, как известно, в беде познаются...

Когда провал операции по спасению Советского Союза стал очевиден для всех, я позвонил этому «другу» и сказал ему: «Спасибо тебе за неоценимую помощь в нашем общем правом деле. Ведь наше дело правое, не так ли? Вот только отчего-то победа не за нами. Наверное, потому, что без иуд-предателей в этом деле явно не обошлось...».

В.С. Павлов. Правда о «Путче» (Из книги Н.И. Рыжкова, Б.И. Олейника, В.С. Павлова «Иуда. Анатомия предательства Горбачева»)

Накануне

Август 1991-го начался 3-го числа расширенным заседанием Кабинета Министров СССР с участием руководителей правительств союзных республик под председательством Президента СССР. На повестке дня вопросы «О прогнозных оценках производства сельскохозяйственной продукции в 1991 году и обеспечении населения страны продовольствием», «Об обеспечении народного хозяйства топливом», «Об экономическом соглашении между Союзом ССР и суверенными республиками», «Об организации Межреспубликанского комитета по иностранным инвестициям» и «О преобразовании ВДНХ СССР в акционерное общество «Межреспубликанский деловой выставочный центр».

От ведения этого заседания с такой повесткой Горбачев долго уклонялся. Неоднократные переговоры с ним, мои лично и особенно В. Щербакова, определенного докладчиком по антикризисной программе, долго не получали положительного эффекта. Кабинет Министров СССР в разном составе неоднократно рассматривал вышеуказанные вопросы. Всем было ясно, что требуются кардинальные политические решения. Поэтому Горбачев тщательно избегал аудитории, где он не смог бы в очередной раз одному сказать, что пошел сюда, а другому – туда, а сам, в конечном итоге, ушел бы домой, чтобы, встречаясь с политиками, давать поручения подготовить предложения руководителям экономики и наоборот – обещать хозяйственникам собраться и решить политические вопросы с государственным руководством республик.

На заседании, о котором идет речь, не подвергалась сомнению необходимость закупки зерна, прежде всего фуражного, за рубежом, необходимость регулирования платежного баланса для обеспечения процесса производства и потребления в рамках международного разделения труда. Все попытки найти решение порознь, в то время как экономика каждой республики и страны в целом была экономикой единого народнохозяйственного комплекса, были нереальны с точки зрения осуществления и чреваты разрушением. Наиболее активным и последовательным тараном сепаратизма выступало Российское правительство во главе с И. Силаевым. Было даже странно порой видеть и слышать, как, вроде бы, грамотные люди несли заведомую чушь, лишь бы не дать союзному правительству реально управлять экономикой и теми процессами, за которые оно несло ответственность перед страной.

На заседании 3 августа 1991 года согласованное решение о совместной закупке хлеба и фуража, обслуживании внешних обязательств, создании запасов топлива на зиму сорвал в очередной раз И. Силаев. Он упрямо твердил одно: мы сами; сами продадим нефть и газ, лес и алмазы и купим себе хлеб, товары для населения, сырье, оборудование и полуфабрикаты и вообще все, что нужно будет для села, промышленности и транспорта; сами заключим прямые договоры на поставку с другими республиками на взаимовыгодных условиях, сами окажем помощь, если сочтем необходимым, соседям; сами определим, сколько Россия должна дать средств Союзу и на какие цели.

Все доводы разума И. Силаев, как глухарь на току, отвергал с ходу. Он даже не понял тогда угрозы развала самой России, когда ему впрямую задавали вопросы о том, почему он

так уверен, что среднеазиатские республики будут поставлять России хлопок, газ, а Казахстан – уголь, металлы и хлеб по действующим ценам за рубли, если РСФСР начнет продавать свою продукцию на экспорт за доллары; не пугает ли его инфляционное обесценение рубля в результате искусственно вводимой долларизации производства. «Нет, мы сами все сделаем и все сможем», – неизменно звучало в ответ. Итог известен – в России начался стремительный развал после августа 1991 года, а И. Силаев с товарищами срочно отбыл на западные хлеба, за счет все той же России.

Но в русле темы этой книги главным итогом заседания было два высказывания Горбачева: первое – о довольствии. «Нужны чрезвычайные меры – значит чрезвычайные. Заставляйте всех! И пусть не капризничают. Речь идет не о том, что мы отменяем реформы, не о том, что мы отменяем экономические отношения. Нет! Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры. У нас сегодня, я прямо скажу, чрезвычайно с продовольствием складывается» И второе – о финансах и рублях. «Поручить товарищу Павлову вместе с председателями правительств с привлечением всех необходимых экспертов, на основе сегодняшнего обсуждения, и внести предложения на рассмотрение Совета Федерации».

Это резюме обсуждения свидетельствует о том, что Горбачев прекрасно отдавал себе отчет в последствиях противостояния и единственно возможном выходе из создавшегося кризиса в стране. Важно и то, что решения, дающие возможность увидеть свет в конце тоннеля, он принимать в этих условиях не собирался. Вновь было предложено договариваться, согласовывать, продолжать, уточнять и т. п. И это не было случайностью.

* * *

Чтобы окончательно ответить на вопрос об ответственности Горбачева по статье закона, остается определиться в том, сознательно или неумышленно действовал Президент СССР. Я уже приводил, но и в данном контексте еще раз повторю, что ответил 14 сентября 1991 года Горбачев на вопрос Генерального прокурора СССР И. Трубин в ответ на долгий монолог архиосторожно спрашивает: «Верховный Совет оказался отстраненным и почувствовал очень большую обиду?» Горбачев отвечает: «Я не могу с этим согласиться. Как он был отстранен, если в Ново-Огареве во всех заседаниях принимали участие Лукьянов, Нишанов, Лаптев? Это во-первых...»

Я тоже не согласен, больше того, уверен, что они во всех заседаниях не участвовали хотя бы потому, что были в разъездах. Но и при этом, трое еще не делегация. Где же премьер-министр СССР, где председатели комитетов и комиссий? Ни много ни мало – девять отсутствующих против трех, указанных в качестве участников, архитрудно не заметить, даже если очень стараться.

«Во-вторых, Верховный Совет. Обсуждал проект Договора и высказывал свои соображения, которые были переданы в Ново-Огарево. Кстати, они этим не удовлетворились и еще подчеркивали какие-то моменты, то есть все было доведено».

Каково излагает! Логика, слово, мысль чего стоят!..

«Но я должен сказать – это же договор – такой компромисс и нахождение такой общей точки зрения, что во всем его объеме довольных не было. А что, я всем был доволен?»

Вот наконец-то он вымучил из себя ответ. Не выполнял он решение Верховного Совета СССР и не собирался, полностью понимая, что делает.

«Налицо все же процесс – тяжелый, трудный, но процесс консолидации, определенного взаимодействия (чего? сепаратистских сил? – В. П.). И с этой точки зрения (надо понимать развала. – В. П.) я стремился к подписанию договора в середине или в двадцатых чис-

лах августа. Возвратившись из-за границы, А. Лукьянов в связи с этим пытался выяснить, чья это инициатива. Как видно, не всех это устраивало».

Значит, не всех. И то спасибо. Все-таки оказывается, участвовавший во всех, как утверждает Горбачев, заседаниях в Ново-Огареве, Председатель Верховного Совета СССР, тем не менее не знал, оказывается, многого, по его, Горбачева же, словам. Во всем участвовал, все знал, а тут почему-то пытается выяснить происходящее.

«С этих позиций – я бы сказал – уехал я в отпуск, рассчитывая, что с подписанием 20 августа договора (но ведь подписывать должны были на съезде, назначенном на ноябрь-декабрь! – В. П.) мы выходим на новый этап. У меня была уверенность в том, что мы (опять думаю: кто это «мы», от чьего имени вещает? – В. П.) на правильном пути. Это позволяло мне отлучиться, я такой сделал для себя вывод».

Значит, Горбачев сознательно действовал с целью развала СССР как единого федеративного социалистического государства и потому предпринял меры по засекречиванию проекта Договора, устранению союзной делегации от работы над ним и его подписания. Больше того, он прямо признается, что «в результате дискуссий (где и с кем? – В. П.) были определены шесть республик, а Украина, Азербайджан, Туркмения – на второй этап, и согласие появилось».

Иначе говоря, шесть республик Горбачев уже тогда мимоходом отделил от СССР, не спросив ни народ, ни съезд, ни даже Верховный Совет СССР, а еще три – оставил на потом, как получится. Что же удивительного в том цинизме, с которым ставится точка на союзной делегации, от которой одни помехи и возражения, да требования выполнить волю народа. И когда Генпрокурор РФ Степанков осмелился спросить: «Лукьянов оговаривал с вами дату его возвращения в Москву накануне подписания договора?», Горбачев разъяснил: «Он должен был приехать и участвовать. Это как бы была наша правительственная делегация. (Вот уж воистину, чтоб не сомневались и не вспоминали про делегацию вместе со всем Верховным Советом. – В. П.). Но дата его приезда не обуславливалась, так как это не было существенным».

Проще и яснее сказать нельзя. Приедет – не приедет, согласен – не согласен, значения для Горбачева не имеет. Я так хочу, мне лично это надо. А цель для таких людей всегда оправдывает средства.

* * *

Но в тот момент, к сожалению, я еще не знал того, что происходило за моей спиной. Лишь через полтора года мне стало известно, что 13 января 1992 года на допросе в качестве свидетеля Ельцин говорил правду: «После подписания последнего варианта Союзного договора, разработанного в Ново-Огареве, планировалось принятие новой Конституции Советского Союза. В соответствии с новой Конституцией не предусматривалось существование съезда народных депутатов, а предлагалось существование Верховного Совета, состоявшего из двух палат. При реорганизации власти и управления имелось в виду, что в основном будут координационные органы, но будет межреспубликанский экономический комитет и в этом комитете соответствующие отделы – департаменты по различным направлениям, которые будут заниматься вопросами бывшего правительства. В дальнейшем не исключался вариант создания настоящего Кабинета Министров. Министерства предполагалось в основном упразднить».

Это свидетельство прямо уличает Горбачева в том, что он тайно действовал в нарушение Конституции СССР и присяги Президента СССР. Налицо свидетельство о наличии антиконституционного заговора во главе с Горбачевым. Небезынтересно, что Ельцин, полагая, вообще избегал называть Горбачева в качестве подлинного автора многих своих акций, осу-

ществленных уже в качестве Президента Российской Федерации, – уполномоченные представители, мэры, префекты, диктаторские полномочия, либерализация цен и т. п.

Если говорить о практических шагах, то в рамках подлинного заговора готовились и акции по нейтрализации тех сил и конкретных лиц, которые могли, по оценке заговорщиков, воспрепятствовать или, по крайней мере, затруднить достижение главной цели – ликвидации единого федеративного государства. Тот же Ельцин говорит прямо и откровенно: «29–30 июля 1991 года я встречался в Ново-Огареве с Президентом СССР М.С. Горбачевым и Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. На этой встрече обсуждался вопрос о замене некоторых высших руководителей Союза. В основном речь шла о Председателе Кабинета Министров СССР В.С. Павлове. Предположительно также о Председателе КГБ СССР В. А. Крюкове, но в отношении него утвердительного решения принято не было. Говорилось, что в дальнейшем может возникнуть эта проблема. В таком же совещательном духе речь шла и о министре обороны СССР Д.Т. Язове. Других кандидатур вместо них не обсуждалось. Вместо Павлова предлагалась кандидатура Назарбаева. В проекте договора не было предусмотрено поста вице-президента СССР, как я уже сказал, рассматривался вопрос о замене Павлова, обсуждался вопрос о слиянии Министерства иностранных дел СССР и Комитета внешне-экономических связей СССР, упразднении по крайней мере 60–70 министерств, тогда все министры освобождались».

Спустя восемь месяцев, 13 августа 1992 года, допрошенный в качестве свидетеля Горбачев, отвечая на вопрос А. Фролова: «Имела ли место в конце июля 1991 года ваша встреча с Б.Н. Ельциным, Н.А. Назарбаевым и какие вопросы на ней обсуждались?», полностью подтвердил вышеизложенные показания Ельцина, сказав буквально следующее: «Да, такая встреча была в рамках работы над проектом Союзного договора. Речь шла о том, что необходимо сделать в первую очередь после его подписания и, в частности, о реформировании союзных органов. Обсуждался вопрос о премьер-министре в плане предложения этого поста Назарбаеву, шла речь о возможной замене, прежде всего с учетом возраста Крюčkова и Язова, а также ряда других высших руководителей».

Хотел бы обратить внимание читателей на одно обстоятельство, имеющее значение для понимания происходившего в дальнейшем и к чему мы вынуждены будем еще не раз возвращаться, объясняя внутреннюю логику событий и их суть. Речь идет не о замене того или иного должностного лица, не справляющегося со своими обязанностями или уступающего в чем-то более достойным кандидатам, путем выдвижения. Нового кандидата для обсуждения и принятия решения в установленном законом порядке. Здесь речь идет о ликвидации конституционных органов – Съезда и Верховного Совета СССР, Кабинета Министров СССР, министерств, ведомств и замены должностных лиц путем подготовки и подписания нового Договора. Причем полномочий на это не было, и сами действия являлись нарушением законов СССР и прямых решений законодательной власти страны. Речь идет о замене не премьер-министра СССР В.С. Павлова, а политического противника разрушения Союза ССР. В связи с возможным поражением в открытой политической борьбе с ним принято решение о противоправном упразднении Кабинета Министров СССР вообще, с возможным в будущем восстановлением при другом составе и порядке формирования.

* * *

Но в тот момент это все еще было впереди. А пока в воскресенье, 4 августа 1991 года, я был приглашен на проводы в Форос семьи Горбачевых. Проводы были на удивление короткими. Без обычного обсуждения разных текущих задач, поручений, сообщений. Правда, я этому не придавал никакого значения. Лето, выходной. Все устали. У кого Крым и море на полтора месяца, у кого дача и Москва-река хоть на полдня. Единственное, что сказал Горба-

чев и что имело какое-то значение, относилось к Г. Янаеву: «Ты остаешься на хозяйстве». В практике нашей страны при временном отсутствии первого лица в государстве или первого лица высших органов власти и управления письменных документов об исполнении заместителем обязанностей никогда, по крайней мере на моей памяти, не издавалось. Этой фразы было более чем достаточно для всех присутствующих. Тем более что, согласно Конституции СССР, ст. 127-4, «Вице-президент СССР... замещает Президента СССР в случае его отсутствия...» После взлета президентского самолета все разъехались отдыхать.

С понедельника, 5 августа 1991 года я продолжал вести работу по подготовке и проведению уборки урожая, стабилизации топливно-энергетического комплекса, валютного положения и экспортно-импортных операций, организации разработки плана и бюджета на 1992 год, занимался другими делами из повседневной экономической жизни. Параллельно началась проработка вопросов, вытекающих из прошедшего расширенного заседания Кабинета Министров СССР. Дел хватало. В свете ответственности за их решение начались проработки подготовки моего посещения Кузбасса, Караганды и Целины. Это были одни из ключевых пунктов решения задач топлива, хлеба и валюты, и я полагал необходимым побывать там лично и оперативно решить на месте или возвратившись в Москву – те вопросы, которые тормозили дело и мешали нормализации жизни людей. Мне удалось многое увидеть и понять во время визита в Карелию, Якутию, на Камчатку и Сахалин. К сожалению, много меньше удалось успеть сделать из того, что было надо по жизни. Утешение от того, что не я виной тому, слабое. И вот тут-то и появился на сцену проект Договора о Союзе суверенных государств, исполненный Горбачевым со товарищи.

Антиконституционная и антигосударственная суть проекта Договора была настолько очевидна, что уже 10 августа 1991 года за № ПВ -6098 мною был подписан документ следующего содержания: «Президенту СССР товарищу М.С. Горбачеву Постановлением Верховного Совета СССР от 12 июля с.г. «О проекте Договора о Союзе суверенных государств» утверждена Союзная делегация, полномочная для подписания Договора. Полагал бы необходимым до начала подписания Договора собрать Союзную делегацию для обсуждения проекта Договора. В предварительном порядке направляю имеющиеся у Кабинета Министров СССР предложения и замечания по проекту Договора. В. Павлов».

К письму были приложены на четырех страницах «Предложения и замечания Кабинета Министров СССР к проекту Договора о Союзе суверенных государств».

Позволю себе напомнить читателю, что официальная публикация проекта Договора в средствах массовой информации состоялась только 16 августа 1991 года, то есть в пятницу, а 20 августа Горбачев собирался уже начать подписание. Притом и эта публикация, так сказать на выходные, состоялась вынужденно. Она вообще не планировалась по сценарию. Ей предшествовало начало публикации проекта в газете «Московские новости» 15 августа 1991 года в порядке так называемой «утечки информации». Последовал скандал «в благородном семействе». Горбачев был взбешен, но поезд уже ушел. Пришлось согласиться напечатать, в принципе, но не слишком широко и без анализа, в средствах массовой информации.

Отослав Горбачеву и Лукьянову свои замечания и предложения 10 августа 1991 года, я официально направил членам Президиума Кабинета Министров СССР и большой группе министров, возглавлявших основные, ведущие отрасли экономики и сферы деятельности, полученный от Горбачева проект Договора о Союзе Суверенных Государств и поручил им в ближайшие дни сообщить свои возможные замечания и предложения. Одновременно была создана параллельно действующая группа специалистов из аппарата Управления делами Кабинета Министров СССР, Министерства юстиции СССР и других органов для более тщательной проработки проекта Договора, сбора, изучения и обобщения возможных замечаний и предложений от членов Президиума, министерств и ведомств. Я не считал для себя возможным, в силу самого характера документа, единолично принимать по нему решения. Свое

назначение членом Союзной делегации в качестве премьер-министра СССР я рассматривал как доверие возглавляемому мной органу исполнительной власти, с одной стороны, а с другой – не считал возможным одному человеку, какой бы пост он ни занимал и какими бы званиями ни обладал, принимать решения, касающиеся всей страны и каждого ее гражданина в отдельности, без совета и обсуждения, без участия коллективного разума.

В связи с этим уже 13 августа было принято решение о вынесении вопроса об отношении Кабинета Министров СССР к присланному Горбачевым проекту Договора о Союзе Суверенных Государств на рассмотрение Президиума Кабинета. Повестка с указанием темы и даты заседания была уже разослана всем участникам 16-го числа. Сам факт рассылки означает, что заседание и его тема были определены заранее, а не накануне в пожарном порядке. В этом легко убедиться, заглянув в документы Управления делами, спросив людей. Даже без специальных вопросов В. Щербаков в своих свидетельских показаниях говорит, что он лично получил повестку за два дня до заседания, а В. Догужиев, выйдя из отпуска 16 августа 1991 года, уже имел официальное приглашение на заседание с повесткой дня «О проекте Договора».

* * *

Столь прозаические вещи приходится затрагивать в связи с тем, что следствие, фабрикуя свое обвинение, не затруднило себя даже элементарной проверкой фактов и документов, не говоря уж об их объективной оценке. Более года официальная версия гласила – заговор состоялся 17 августа 1991 года во время встречи на объекте «АБЦ» КГБ СССР. Она перекочевала и в книгу В. Степанкова и С. Лисова, их интервью и статьи. Между тем принятая позже официальная версия гласила, что так называемый заговор состоялся 5 августа 1991 года, а лично я вступил в него 16 августа 1991 года во время визита В. Крюčkова с 17 до 18 часов. Эта произвольная дата требует изменить всю последующую версию событий, но нет ни фактов, ни времени. В итоге остается утверждать, что я, якобы будучи одним из организаторов заговора, уже 5 августа получил проект Договора, сознательно задержал его, никому не показывая, до 10-го числа и только тогда написал резолюцию. Прямо экстрасенс, ясновидящий, который уже 5-го знал, что, опять же по версии следствия, 16-го будет вовлечен В. Крючковым в заговор и туг же активно в него включится, дав указание своему помощнику, и тоже, кстати, заранее, с утра, подготовить проект Заявления Кабинета о невозможности подписания проекта Договора. Как будто не было никакой подготовки и других документов. Правда, совсем непонятно, почему же проект Заявления никому не раздали и на Президиуме не обсуждали. И Павлов молчал, ни на кого не давил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.